

Культура. — 1999 — 29 июля — 4 аба. — с. 10

А он, мятежный, просит бури

Вячеслав Самодуров
на спринтерской дистанции

Любят наши журналисты клеймить статусами-штампами деятельность артистов. К примеру, из статьи в статью Вячеслав Самодуров проплывает "талантливым, но нераскрытым актером".

Как же нераскрытый, если в его репертуаре и лирический Альберт, и героико-драматический Солор, и концертно-виртуозные Али и Золотой Божок, и жанрово-виртуозный Базиль — да почти все коронные мужские партии! Деэире, Зигфрид, Ромео сознательно исключены самими Самодуровым. Он трезв в оценке собственных данных: средний рост, плотные, сбитые формы, зрительно укороченные пропорции, — это не для статуарных героев. "Двигайтесь, двигайтесь, чтобы никто не успел оценить вашу внешность!" — веками покрикивают педагоги на учеников-виртуозов. Но Самодуров не виртуоз без страха и упрека. Техника его приводит в изумление, но нередко самоконтроль распадается азартом, и тогда — грубовато смазываются филигранные трюки. Публика, правда, все равно буйствует — как на стадионе. Однако рамки балетного гимнаста Самодурову тесны. В "Дон Кихоте" разыгранная им сцена мнимого самоубийства способна перехватить приз зрительских симпатий чуть ли не у шлягерного *pas de deux*. Врожденный артистизм? В большей степени работа интеллекта: слишком уж "провисают" иные проходные эпизоды, до которых, по-видимому, просто еще не дошли руки.

Самодурова любят интервьюеры. Потому что круг чтения танцов-

щика простирается до высококолых Гессе и Фолза. Потому что Самодуров мелькает в партере едва ли не на всех сколь-нибудь значимых театральных событиях. Потому что... Словом, потому что он — один из тех, кого чествуют балетными интеллектуалами. Таких, как он, обычно прочат на роль Гамлета. Таких, но не Самодурова. Его герои, кажется, не ведают изнурительной рефлексии, искушений и мук бессонницы. Впрочем, в балетном репертуаре Маринки партии Гамлета и нет. Зато есть непреднамеренный эскиз к ней — Меркуцио. И этот герой у Самодурова излучает румяный задор и завидную атлетичность.

В Маринке Вячеслав Самодуров — какой-то вечный жених Агафьи Тихоновны. Поражаясь в "Жизели" внезапной для танцовщика поэтичности, иные тотчас спохватываются: "Вот кабы к этому прибавить облик красавца N". Дивясь взрывному танцу весельчака Меркуцио, вздыхают: "Сюда бы еще изысканность покинувшего сцену NN". Ахнув от невероятных полетов Солора, пожимают плечами: "Хорошо, но еще бы благородную статью NNN". Но — стоп. Есть роли, в которых Самодурова можно сравнивать только с ним самим.

Открытием стало *Allegro vivace* "Симфонии до мажор": восторженная удаль была эффектно оттенена инструментальной безупречностью.

Открытием стал "Постскрипtum" на музыку Р.Щедрина, поставленный Ю.Петуховым специально для Самодурова к конкурсу "Майя"-96.

Монолог Вронского, преследуемого кошмарным видением гибели Анны, обеспечил хореографу премию, а исполнителю — прорыв в лидеры. И в итоге — золотую медаль. В резких ударах музыки, в иступленной скороговорке твердых движений словно билась назойливая мучительная мысль. Тщетно пытался Вронский отогнать ее романтическим воспоминанием о первой встрече с Анной. Он метался, ища выход из невидимого лабиринта, и в гипнотическом безумии провожал взглядом летящий мимо поезд...

Список можно продолжить. После баланчинского *Allegro vivace* встанут "Танго" Ханса ван Манена и "Средний дуэт" Алексея Ратманского. После Вронского — Юноша из балета Пети "Юноша и Смерть". Столь непохожие партии роднит одно: для танцовщиков каждая подобна спринтерской дистанции, требующей максимального напряжения сил и эмоций в короткий отрезок времени. Самодуров — танцовщик именно таких экстремальных состояний. Изматывающая других музыкально-танцевальная плотность — для него то, что надо. Тогда в его танце появляются и пластическая экспрессия, и нервная взвинченность (впрочем, без тени рафинированного "декаданса"). Ему не по себе в лирических лакунах текста. В безбрежной академической лазури он, чрезмерно форсируя движения, выглядит излишне напряженным. Он — "просит бури".

Юлия ЯКОВЛЕВА
Санкт-Петербург

Сцена из спектакля "Дон Кихот". Базиль — В. Самодуров

Фото ИРАЗИНОЙ